

Артур Дарра

Когда я стану Солнцем

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Д20

Дарра А.

Когда я стану Солнцем / Дарра А.; ред. Полетаева К. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 94 с.

ISBN 978-5-532-93918-9

«Когда я стану Солнцем» — это трогательная история об удивительно искреннем стремлении понять и полюбить окружающий мир. О мимолётной юности, что одним взмахом пытается сорвать завесы с тайн Вселенной и прикоснуться к смыслу жизни. О вечных и насущных вопросах нашего бытия.

ISBN 978-5-532-93918-9

© Дарра А., текст, 2014
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава I. Неизлечимая небесная неизвестность	5
Глава II. Будущая версия меня, или Звёздных дел мастер . .	13
Глава III. Вино и звёзды	20
Глава IV. «Привет путникам с других планет!»	37
Глава V. Мой карманный день рождения	46
Глава VI. «Лети домой за стайей солнц»	55
Глава VII. Звёздный дождь	62
Глава VIII. Космические ветра	73
Глава IX. Максим	85
Эпилог	90

Посвящаю маме

*Как жутко звёздной ночью! Сам не свой,
Дрожишь, затерян в бездне мировой,
А звёзды в буйном головокружении
Несутся мимо, в вечность, по кривой...*

Омар Хайям

*Сохрани свою любовь к небу, дитя, и я тебе обещаю:
то, что ты любишь, найдёт способ увлечь тебя от земли, в
высоту,*

в её жутковато счастливые ответы на все вопросы.

Ричард Бах

Глава I. Неизлечимая небесная неизвестность

...Тем декабрьским вечером я торопился домой. Одной рукой прикрывал лицо от колкого ветра, а другой придерживал рюкзак, висевший на плече. Да-а... такого дубака за свою жизнь припомнить я не мог. И если бы не эти чёртовы дополнительные занятия в школе, то сидел бы я без проблем дома, а не блуждал по улицам с раскрасневшимся носом.

Что и говорить, в последние три дня город находился на грани обморожения. Цельсий «упал» до минус 38, ветры стали обжигающе-ледяными. Но это не мешало людям, укутанным в одежду, словно вздутые личинки, каждый день спешить по своим делам. Вот и я шагал среди них, изо всех сил стараясь не грохнуться: многие тротуары превратились в бесплатный каток. Упасть и убиться – проще простого.

Впрочем, чуть погода меня утешила мысль об этом декабрьском морозе. Ведь если очень холодно, то, значит, нет осадков. А нет осадков, значит...

«Значит, небо ночью будет ясным!» – вспорхнула птицей следующая мысль под моей шапкой. Это меня оживило и заставило ускорить шаг, словно я принял колдовской эликсир.

Я завернул на улицу Достоевского и быстрыми шажками поднялся по некрутому склону. Пройдя вдоль нескольких хрущёвок, нырнул во двор кирпичной двенадцатизатжки и вошёл в её единственный подъезд. Жил я на третьем этаже, поэтому в услуге лифта никогда не нуждался. Бегом добравшись до квартиры и еле-еле повернув в замке ключ одеревеневшей рукой, я наконец оказался в своём домашнем мире.

Звуки включенного в зале телевизора проносились по всей трёхкомнатной квартире. (Мама всегда, приходя с работы, включала музыкальный канал и отправлялась на кухню готовить ужин.) Почти в каждой комнате был зажжён свет, который, казалось, согревал уже

одним только своим существованием. Стены со светлыми обоями в крапинку наполнили меня осознанием того, что я спасён – я дома, я в тепле!

Первым делом я заковылял в свою комнату. По пути, все ещё дрожа, стащил с себя пуховик с шапкой и мельком глянул в зеркало. Оттуда на меня пялилось онемевшее лицо с краснющими, точно спелые плоды граната, щеками. Волосы сильно примялись, кончики обтянулись инеем. Да уж, ну и чудище...

Я переоделся и, разворошив волосы, поспешил на кухню выпить чего-нибудь согревающего. Мама в этот момент с серьёзным выражением лица лепила котлеты. Поздоровавшись с ней, я неуклюже продвинулся к плите, зажёл конфорку и, сев на табуретку, принялся ждать.

Краткое описание моей мамы можно начать с того, что её зовут Татьяна, работает флористом в цветочном магазине, страстно любит выращивать домашние цветы в горшках. Её любимое хобби не могло не повлиять на её кулинарные способности. Она всегда очень творчески подходила к оформлению каждого блюда. Поэтому для меня стало понятным сразу, что одними котлетами наш сегодняшний ужин не ограничится. Обязательно на помощь подтянутся яркие листья салата и базилика, свежие огурцы с помидорами, бесчисленные специи и пряности. Несомненно, котлеты приуются в тёплом рисе, сваренном на медленном огне, и в момент прибытия его на тарелки, от него, как и подобает горячему блюду, будет исходить ароматный пар. И всё это будет не только гармонично смотреться, но и кушаться – в этом я не сомневался.

Ну а пока – чай! Всё-таки пролив несколько капель, я наполнил горячей жидкостью свою любимую синюю чашку, с изображёнными на ней весёлыми барашками. Эти барашки улыбались, беззаботно валяясь на зелёной лужайке под солнышком. Я надеялся, что после чашки чая смогу почувствовать себя так же блаженно, как и они. Да, необходимо было срочно прийти в себя, потому что от мороза, сдаётся, у меня даже мозги одурели: уже сравниваю себя с какими-то барашками...

– Морозит так, будто живём на Северном полюсе, – пожаловался я, крепко обхватив ладонями горячую чашку.

Несколько глотков смородинового чая скользнули по горлу, и от наслаждения я прикрыл веки.

– Ничего, – вернула меня мама в кухонную реальность, – скоро будет теплее. К Новому году обещают повышение температуры.

– Надеюсь. Не хотелось бы встречать его в трескучий мороз. Хотя... какая, впрочем, разница.

– Не любишь Новый год?

– Да что его любить? Обыкновенный день. Люди пытаются при-
дать ему праздничное значение, однако он точно такой же, как и
остальные дни. Малиновое варенье еще осталось?

Опустошив две чашки горячего чая и ликвидировав последние
остатки вкуснейшего варенья, я ожил. И сквозь пелену усталости и
домашней расслабленности стал молча наблюдать за мамой. Худень-
кая и невысокая, задумчиво-напряжённое лицо, тёмные волосы до
плеч. Ей уже давно за сорок, и этот факт становился виден всё отчет-
ливее. Мне почему-то всегда казалось, что мама никогда не начнёт
стареть. Что навсегда останется такой, какой помнилась мне с дет-
ства. Но нет. Менялся я, менялась и она. И её многочисленные мор-
щинки у глаз убеждали в этом ещё больше.

Мимолетный уход в себя стал причиной возникновения непо-
нятных мыслей. Вернее, мыслей почему-то не осталось. Только я и
мама: она готовит, я молча пью чай, на улице холодная зима, а мы
здесь – в этой тёплой, светлой кухне. И кажется, что весь осталь-
ной мир исчез. Будто всё, что находилось за пределами этих стен,
кануло в промозглое небытие. Даже телевизор в зале – и тот почему-
то замолк. Лишь тонкая струйка кулинарной мелодии пронеслась
по нашей маленькой кухне звуками шипящих на масле котлет. Вот
её подхватил чайник: слегка насвистывает, усиливая громкость...

Я выключил газ и понял, что третьей чашки не осилю. Иначе
лопну и испорчу всё то безмолвное великолепие, что развернулось в
эти мгновения на кухне. Лениво поднявшись с табуретки, потянулся
к потолку. Почти дотронувшись до него кончиками пальцев, почув-
ствовал сильную тягу ко сну.

– Он сегодня снова допоздна? – спросил я, когда выходил из кухни, решив подождать приготовления ужина в своей комнате.

Мама хмуро вздохнула и тихо ответила:

– Да.

Ничего больше не говоря, я покинул кухню. Лучше бы не спрашивал и не слышал этого печального голоса мамы...

Не помню, когда это началось, но отношения родителей основательно похолодели. Так же, как весь сегодняшний город за окном. Отец постоянно пропадал в своей обсерватории, а мама ничего ему не говорила. Они стали друг другу чужими. Утром, собираясь на работу, иногда сталкивались на кухне, но не перекидывались ни словом. Словно играли в молчанку.

Я тоже молча наблюдал за ними, не зная, как можно повлиять на непростую ситуацию. Мне не хотелось, чтобы они так себя вели, ведь и во мне снежным комом начинали нарастать сомнения по поводу моего семейного будущего. Если родители столкнулись с *этим*, чем я-то лучше?..

Закрыв за собой дверь, я рухнул на кровать. Через некоторое время потянулся к полке, вытащил книжку и стал её трясти, пока из страниц не выпал снимок. Я взял его и вытянул перед собой.

Парень крепко обнимает смущённую девушку. Молодые, скромно улыбающиеся. Впереди у них совместная жизнь, рождение ребенка, но ещё ничего из этого не произошло, ещё столько возможностей... Внизу надпись витиеватым почерком: *«Начало счастливой семейной жизни!»*

Мои совсем ещё юные родители. Я хранил эту фотографию, чтобы хоть где-то видеть, что у них всё может быть совсем по-другому. Для меня она была единственным волшебным предметом, способным вернуть им былую молодость и дать возможность изменить жизнь, направить её в другое русло и не прийти к тому, что есть сейчас. Хотя и в статической чёрно-белой вселенной, которая навсегда останется запертой в маленьком бумажном прямоугольнике, но у них был этот шанс, шанс сделать всё иначе.

И я хранил эту вселенную. В ней они улыбались. Наверное, всё, что мне было нужно, – их улыбки. Глядя на них, ещё юных, мне

невольно казалось и хотелось верить, что и я тоже буду улыбаться. Когда-нибудь искренне улыбаться.

* * *

Всё стихло. На улице едва слышно проехала машина, сверкнула фарами, нарисовав на моём потолке решётчатые следы от штор, и исчезла. Ночная тишина накрыла собой двор. Мысли развернулись в голове целой македонской армией: то одна атакует, то другая. Когда не хочешь спать, не нужно пытаться заснуть. Это я уяснил давно. Лучше встать с кровати и чем-нибудь себя занять. Иначе ночные мучения-ворочения продлятся до самого утра.

Я откинул одеяло и присел на кровати, оглядывая комнату. Компьютерный стол, который одновременно являлся письменным столом для домашних заданий, еле выделялся прямыми углами из темноты. Я опустил ноги на пол, и он в который раз напомнил мне, что батареи в моей комнате ни черта не греют. И так каждую зиму.

Натянув шерстяные носки, я встал с кровати. Ориентируясь по памяти, подошёл к окну и, отодвинув шторку, увидел то, о чём думал вечером. Ясное звёздное небо. Остальной пейзаж меня не интересовал: привычная асфальтированная стоянка перед домом, обнесённая металлическим забором, затерялась где-то в невидимом низу.

Я достал из-под кровати коробку. В ней лежал телескоп, подаренный родителями на моё тринадцатилетие. Не включая свет и ограничиваясь лишь оранжевыми объёмками уличного фонаря, я принялся его устанавливать. Предельно аккуратно, не спеша. Для меня это была очень ценная вещь.

Через минуту я ещё раз взглянул невооружённым глазом на тёмное небо и в который раз осознал то чувство, которое так часто появлялось у меня в последнее время. Как же это на самом деле грустно – наблюдать за звездами... Но что я мог поделать, будучи больным синдромом *неизлечимой небесной неизвестности*?

Некоторыми ночами, подобными этой, когда не мог уснуть, мне казалось, что я слышу из Космоса звуки. Протяжные, грустные, местами даже трагичные. И я вслушивался в них, не в силах отвести

взгляда от таинственного звёздного небосвода. Станными течениями ночных мыслей мне казалось, что там, наверху, кто-то выбивает минорные сочетания нот какой-то удивительной космической мелодии...

Продолжая держать руку на телескопе, а взгляд – на ярких небесных блёстках, я сразу же подумал об отце. Он всю жизнь мечтал сделать какое-нибудь открытие. Такое, которое возвысило бы его как астронома, как учёного, посвятившего всю свою жизнь лишь одному делу – звёздному.

Порой это стремление у него доходило до абсурда. Такого, как сейчас. Он мог неделями не появляться дома, проводя в обсерватории какие-то исследования, ночуя и питаясь там же. В детстве меня это вдохновляло: папа делает открытия! Но, взрослея, я потерял это очарование. Отец так и не сделал ни одного знаменательного открытия, ни одного весомого вклада в астрономию. А ему всегда хотелось совершить что-нибудь великое.

Отец... Потерянный странник в вечно ночной пустыне. Странник, в безумии глядящий только в небо. И, что самое страшное, я был такой же... С детства отец приводил меня в свою обсерваторию, где через мощнейший телескоп открывал моим зачарованным глазам неизведанное космическое пространство. Названия звёзд, созвездий, планет и галактик становились спутниками моего существования и прочно укоренялись в голове. И вот смотрел я всегда в звёздное небо, и казалось мне, что там все ответы. Что там – извечная истина. Там. Только там.

«Кто я? И зачем я здесь, на этой планете?» – вот главные вопросы, из-за которых я каждую ночь, когда удавалось застать звёздный пейзаж, нацеливал свой маленький телескоп куда-то в высоту. Я надеялся хоть раз увидеть что-нибудь необычное, меняющее представление о реальности. То, что зажгло бы внутри меня свечу, пламя которой становилось бы всё больше и больше, пока бы наконец полностью не прожгло до чувства Истины.

И вот снова не спится. И снова ощущение странного зова откуда-то сверху. И снова грустно от непостижимости неба, и снова холодно, и снова рука настраивает телескоп, который будто бы смо-